

Барон М. Ф. Таубе

**Три столпа русского
самобытного просвещения
прошлого столетия.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б25

Б25 **Барон М. Ф. Таубе**
Три столпа русского самобытного просвещения прошлого столетия. / Барон
М. Ф. Таубе – М.: Книга по Требованию, 2012. – 42 с.

ISBN 978-5-458-09237-1

Хомяков, Достоевский и епископ Феофан, затворник Вышенский.

ISBN 978-5-458-09237-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чески чистой живой воды просачивается сквозь мутный наплывъ всякой иноземщины санктпетербургскаго періода жизни. Еще при самомъ началѣ насильнаго вколачиванья западныхъ новшествъ, когда дѣло Петра I привлекло многихъ преданныхъ помощниковъ и когда въ томъ числѣ Теофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій излагали свои ученые богословскіе доводы, на дальнемъ краю въ г. Воронежѣ, т. е. на самой южной окраинѣ тогдашней Россіи, раздавался мощный, самоотверженный голосъ Святителя Митрофана, который безбоязненно и смѣло обличалъ юнаго царя и удерживалъ его отъ зловредныхъ увлеченій языческимъ западомъ. Почти одновременно съ нимъ правдивыми и сильными доводами обличалъ и другой Святитель Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, который удерживалъ православныхъ отъ противоположнаго увлеченія домашнимъ старовѣріемъ и расколомъ. Самое знаменательное его произведеніе въ этомъ отношеніи—„Розыскъ о Брынской вѣрѣ“, коимъ Святитель нападалъ на расколъ и обвинялъ приверженцевъ его въ отступленіи отъ духа истиннаго православія и Евангельской правды. Въ царствованіе Екатерины II прославилась русская вѣра жизнью и писаніями еще одного Святителя Тихона Задонскаго, нравственное вліяніе котораго было весьма велико. Его труды выдержали до пятидесяти изданій, что даетъ достаточно яркое представленіе о томъ почитаніи его заслугъ, которое проявляется въ теченіе почти полутора ста лѣтъ. Замѣтимъ, что вся его жизнь протекла при совершенно новыхъ условіяхъ послѣпетровской Россіи, а время это было особенно неблагоприятно для развитія самобытныхъ чертъ русскаго духа.

Въ срединѣ-же прошлаго столѣтія выдающійся по уму и дарованіямъ церковный писатель Филаретъ, гениальный составитель высокоумнаго православнаго катехизиса, митрополитъ Московскій, достойно продолжаетъ дѣло, завѣщанное борцами за истинное православіе и сильною рукою защищаетъ поборниковъ русскаго и православнаго просвѣщенія. Въ послѣднее же время дѣятельность русскаго духовенства расширилась еще болѣе, когда во главѣ этого развитія религіозныхъ идей всталъ ученый богословъ, толкователь священныхъ книгъ и руководитель православной мысли и христіанской нравственности, докторъ богословія Епископъ Теофанъ, затворникъ Вышинскій, создатель новой науки „Христіанская психологія“. Въ его многотомныхъ твореніяхъ необычайной духовной высоты изложены начертанія нравственной жизни и выяснены всѣ стороны душевныхъ силъ человѣка и духовной ихъ сути.

Утрата образованными способности духовнаго пониманія и усвоенія.

Но духовный подъемъ богословской мысли, столь ярко обрисовавшийся въ сочиненіяхъ Преосвященнаго, и научная постановка духовной жизни, доступны далеко не всеѣмъ современнымъ образованнымъ людямъ, ибо мышленіе ихъ и вѣроисповѣдное настроеніе связаны крѣпкими узами съ западнымъ двустороннимъ чужемыслиемъ и иновѣріемъ, которыя, какъ путаи, стягиваютъ умъ и сердце челоуѣка и мѣшаютъ болѣе легкому усвоенію утраченныхъ имъ понятій и духовныхъ началъ чистаго исконнаго единотроичнаго православія. Православный интеллигентъ сталъ смотрѣть на все свое черезъ два стекла дымчатыхъ очковъ западноевропейскаго мышленія и логики. Простой народъ принимаетъ все свое православно русское по привычкѣ, не отдавая себѣ отчета въ полной сознательности глубины и вышины правдиваго своего трехсильнаго міровоззрѣнія, по умственной ненаучности и логическому книжному, хотя бы и грамотному неразвитію. Начетчики изъ народа тому яркій примѣръ.

Духовность 1) внѣвременная, 2) внѣпространственная и 3) внѣмѣрной механической причинности стала казаться интеллигенту совершенно необоснованной и внѣ всякой реальной возможности. А если руководящія силы ума и вѣры сошли съ прямого должнаго пути, то требовать разума и разсудка отъ простаго болѣе низменнаго мышленія, а тѣмъ болѣе правильной духовной работы отъ другихъ, также связанныхъ, умственныхъ способностей—нельзя. Утрата исконныхъ тріединыхъ началъ русскаго просвѣщенія почти всеѣмъ образованнымъ обществомъ была-бы трудно поправимой бѣдой, если-бы не было другаго народнаго теченія русскихъ творческихъ началъ, неповрежденныхъ и не уничтоженныхъ „чужебсіемъ“; таковы: народность въ наукѣ, представителемъ которой былъ ученый мужикъ Ломоносовъ (пора намъ слово „мужикъ“, что значитъ мужъ (vir), братъ въ достойномъ смыслѣ, а не только въ порицательномъ и презрительномъ значеніи); народность въ словѣ и пѣснопѣніи (поэзіи вообще), представителями которой были Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ и т. д.

Но особенно важно сознательное возрожденіе народныхъ творческихъ началъ въ области философіи, представителями которой были дѣятели весьма тѣснаго кружка московской молодежи. Во

главѣ его всталъ благородный отчизнолюбецъ Хомяковъ. Основанное имъ ученіе о народности названо было *Славянофильствомъ*.

Основы славянофильства: истина и церковное домостроительство.

Что особенно удивительно въ этомъ сознательномъ возрожденіи народности и пробужденіи научной народной мысли, это тѣ исходныя тріединыя положенія, которыя легли въ основу всего ученія. По замѣчательно вѣрному чутью первыхъ руководителей это ученіе зиждется: 1) на понятіи о церкви и церковной жизни, а не на мірскомъ историческомъ движеніи впередъ эволюціоннаго историзма; 2) на непреложной, неизмѣняемой истинѣ, а не на усовершенствованіи и развитіи знаній такъ называемаго прогрессизма и эволюціонизма; 3) на единодержавной верховной свѣтской Царской власти, а не на ограниченномъ правѣ народоправителя, основанномъ на верховенствѣ зыбкаго большинства голосовъ собраній. Самаринъ выразилъ понятіе о церкви, принявъ предложенное ему Хомяковымъ объясненіе, слѣдующимъ образомъ: „церковь не доктрина, не система и не учрежденіе. Церковь есть живой организмъ (тѣло), организмъ (строй) истины и любви, или точнѣе: истина и любовь, какъ организмъ (жизненное оправданіе)“. И далѣе: „Церковь, какъ живой организмъ (живое тѣло) Истины, ввѣренной взаимной любви, иначе:—какъ свобода въ единствѣ и единство въ свободѣ; еще иначе:—какъ свобода въ гармоніи (соразмѣрности) ея проявленій“. „Единство церкви, говоритъ самъ Хомяковъ, слѣдуетъ необходимо изъ единства Божьяго: ибо церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей Благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати. Церковь тамъ, гдѣ люди, соединенные взаимнообратскою любовью и свободнымъ единомысліемъ, становятся достойнымъ вмѣстилищемъ единой благодати Божіей, которая и есть истинная сущность и жизненное начало церкви, образующее ее въ одинъ духовный организмъ“.

Понятіе о вселенской соборной церкви, какъ о живомъ осуществленномъ единствѣ, введенное Хомяковымъ и его послѣдователями въ сознаніе русской науки, есть главная заслуга и отличительная черта славянофильскаго ученія. Церковное-же соборное сознаніе есть сознаніе самаго возвышеннаго полета и обладаетъ вселенскимъ значеніемъ, а потому обвиненіе славянофильства въ узости взглядовъ несправедливо и обнаруживаетъ полное непониманіе первыхъ основъ этого ученія,—основы-же эти духовнаго благодатнаго свойства.

Такимъ образомъ свѣтская ученость въ славянофильствѣ идетъ рука объ руку съ духовными богословскими положеніями. Въ то время, когда церковно-богословскій способъ изложенія сталъ недоступенъ большинству образованнаго общества, языкъ свѣтскихъ собратьевъ приходитъ на помощь, а ихъ западное философское тонкое и обширное образованіе содѣйствуетъ сознательному приобщенію къ церковному уразумѣнію мірянъ образованнаго общества.

Три ступени развитія славянофильскаго ученія: 1) природы, 2) душевности и 3) духовности.

Хомяковъ, Кирѣевскій и его ближайшіе послѣдователи К. Аксаковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Самаринъ и другіе способствовали возрожденію русскихъ началъ и много потрудились надъ ихъ изученіемъ какъ съ внѣшней стороны жизни, такъ и съ точки зрѣнія устройства русской семьи, міра и общины, государства и церковнаго домостроительства: изучили они основательно русскій языкъ, памятники русской словесности и письменности, установили новыя начала для самобытнаго развитія русской философской мысли, для русской грамоты и въ частности русской самобытной грамматики; однимъ словомъ, работали надъ проявленіями жизни и мысли русскаго просвѣщенія и даже положили починъ въ изслѣдованіи психическаго строя самой души. Но эта душевная сущность человѣка, а также духовное сущее этой душевности, ждали новыхъ болѣе глубокихъ изслѣдователей.

Итакъ, на пути постепеннаго восхожденія и непрерывнаго развитія славянофильскаго ученія отмѣчаются какъ-бы три ступени или области церковной, общественной и народной самобытности: 1) ея природное содержаніе, 2) душевныя ея свойства и 3) ея духовная суть.

Хомяковъ съ Самаринымъ поставили вопросъ о міровомъ значеніи вселенской соборной церкви православной; тотъ-же Хомяковъ съ Кирѣевскимъ ставятъ вопросъ о сути восточной (русской) философіи и отличительную черту ея отъ западной усматриваютъ въ гносеологическомъ (познаніевѣдномъ) понятіи „вѣрующаго мышленія“; наконецъ, опять Хомяковъ съ К. Аксаковымъ намѣчаютъ и третій вопросъ—о значеніи общины, какъ основы хозяйства, о значеніи земскихъ соборовъ свѣдущихъ людей, какъ основы самодержавія, о значеніи вселенскихъ соборовъ какъ основы церковнаго домостроительства.

Успѣхи въ области любомудрія.

Съ этихъ поръ русская философія, поднявшись до степени любомудрія и тѣмъ опередивъ двустороннюю философію запада, развивается въ Россіи самостоятельно и встаетъ на собственные крѣпкія ноги трехъосновного начала. Ея пріобрѣтенія уже и теперь весьма значительны, въ будущемъ-же можно ждать еще большихъ завоеваній и даже всесвѣтнаго преобладанія.

Такъ Борису Чичерину удается внести жизнь и движеніе въ мертвые уклады и построенія Кантовскихъ категорій (высшихъ опредѣленій). Вл. Соловьевъ прошелся по всемъ струнамъ философскихъ и богословскихъ гуслей запада и готовился сочетать и сложить все мыслительные звуки въ общій аккордъ (строй) полного и цѣльнаго знанія; но приверженность западу и увлеченіе мистикой сбили его съ прямого пути и заставили свернуть на путь лукавства и тайнознанія (мистика), его аккордъ былъ рѣжущій диссонансъ вѣроломнаго свойства, довременная смерть сразила его, и дѣло осталось отравленнымъ, неоконченнымъ горькимъ сборнымъ безвкусіемъ. Его ученикъ кн. Трубецкой также пытался связать въ цѣльную полноту его ученіе, но, будучи также прогрессивистомъ, для сего не нашелъ въ себѣ надлежащихъ силъ духовныхъ. Бердяевъ, подошедшій вплотную къ славянофиламъ, въ кругъ ихъ просвѣщенія не вступилъ и предпочелъ смѣшать горькое съ сладкимъ, христіанство съ язычествомъ, духа съ матеріей, создавъ несуразную вздорность „богоматериализма“.

Какъ только удалось русской мысли сдвинуть западную философію съ ложнаго пути непрерывно текущей двусторонней эволюціонной иллюзіи (призрака) и возвысить до трехъосновного любомудрія, которое укрѣпляется на твердомъ устоѣ тріединыхъ творческихъ началъ,—философія приблизилась къ богословію и въ восточномъ русскомъ просвѣщеніи существенно оживилась. А такъ какъ философія всегда „тайкомъ“ руководила опытной наукой, то и наука въ русскомъ просвѣщеніи, опираясь на вновь открытое положеніе о вѣрующемъ мышленіи, должна была также послѣдовать по новому пути творческаго направленія, творческаго преусиѣнія.

Успѣхи въ области опытной русской науки.

Наука, какъ и философія, на свѣтѣ раздвоилась, опредѣлилась, какъ обладающая двоякимъ значеніемъ: западная—эволюціоннаго

двусторонняго аналитическаго свойства и восточная (русская) — творческаго трехчленнаго аритмологическаго смысла. Заслуга сознательнаго уразумѣнія этого новаго направленія научнаго строя (строе-нія изъ трехъ) принадлежитъ московскому профессору Бугаеву и его школы, но еще значительно раньше его въ этомъ направленіи работали великіе русскіе умы, какъ напр. проф. Зерновъ, проф. Лобачевскій съ его пангеометріей. Заслуга сего послѣдняго мыслителя въ области математическихъ открытій едва-ли и въ настоящее время оцѣнена по достоинству. Его положенія удивительно смѣлы. Математическія числовыя открытія Чебышева, дальнѣйшее развитіе числовыхъ началъ (а не аналитическихъ) Марковымъ, Некрасовымъ ¹⁾ (въ области ученія о вѣроятіи), Алексѣевымъ и другими, прямо указываютъ на аритмологическое направленіе русско-математическаго творчества. Эти числовыя аритмологическія начала легли въ основу такихъ опытныхъ наукъ, какъ химія: знаменитая таблица простыхъ тѣлъ Менделѣева того-же свойства.

Русская наука дала самые доказательные доводы противъ дарвиновской эволюціонной теоріи въ трудахъ славянофила Данилевскаго, яркаго представителя антидарвинизма.

Разсмотримъ различія двусторонней культуры запада отъ три-основнаго просвѣщенія востока по ступенямъ восхожденія.

I. Степень различія запада и востока.

Западники съ Герценомъ во главѣ.

Въ области самого ученія о русской народной самобытности замѣчается отпоръ со стороны противоположнаго инороднаго и иноплеменнаго стана, сплотившагося въ опредѣленное направленіе, называемое *западничествомъ*. Во главѣ этого движенія стали люди тоже даровитые и получившіе не менѣе блестящее европейское образованіе. Ихъ прельстило внѣшнее благоустройство запада, строгое на видъ послѣдовательное развитіе жизни въ сравненіи съ тѣмъ невыразимымъ беспорядкомъ и неустройствомъ, которые царили во всѣхъ концахъ матушки Россіи послѣ Петровской ломки и хаоса жизненной государственной неразберихи чиновничества и временничества. Вѣруя, что спасеніе любимой ими той-же родины заключается въ западныхъ внѣшнихъ порядкахъ, они стремились къ этимъ

¹⁾ „Вѣра, знаніе, опытъ“. Новый трудъ проф. Некрасова въ этой области математическаго знанія.

порядкамъ, къ нимъ лежало ихъ неудовлетворенное сердце и зараженные блескомъ запада вкусы. Это побудило многихъ изъ нихъ бѣжать изъ предѣловъ родной страны и искать цивилизаторской дѣятельности на чужбинѣ; таковы Герценъ, Чаадаевъ, Бакунинъ, іезуитъ Мартиновъ, Крапоткинъ, Драгомановъ и другіе вѣроотступники, бунтари и крамольники. Ослѣпленные блескомъ, они безжалостно и нещадно вооружились противъ свѣтлыхъ исконныхъ святыхъ основныхъ творческихъ началъ Руси и Русской державы и стали вредить ей всякими недостойными способами: печатною клеветою, газетными навѣтами, прямымъ участіемъ въ бунтахъ, совѣтами къ сопротивленію добру и даже денежными средствами къ поддержанію возстанія противъ русской власти—однимъ словомъ западники и инородствующие ничѣмъ не гнушались.

Во главѣ этого западнаго движенія нужно поставить Герцена, человѣка весьма способнаго, большого ума и таланта. Такимъ образомъ Герценъ съ его единомышленниками съ одной стороны и Хомяковъ съ его кружкомъ—съ другой образуютъ два противоположныя теченія дѣятельности, по задачамъ, пріемамъ и стремленіямъ взаимно другъ другу противорѣчивыя.

II. Степень различія Запада и Востока.

Западъ не перестаетъ и понынѣ привлекать новыхъ даровитѣйшихъ представителей русскаго образованія, изъ числа коихъ Вл. Соловьевъ, гр. Л. Толстой (отчасти нынѣ и князь Трубецкой, Мережковский) самые серіозные дѣятели. Но и станъ самобытныхъ славянофиловъ выдвигаетъ своихъ борцовъ, своихъ поборниковъ: Ив. Аксаковъ, Данилевскій, Достоевскій, Ламанскій изъ нихъ самые знаменательные. Иванъ Аксаковъ, плодотворный общественный писатель (публицистъ), старался распространить начала ученія Хомякова, хотя новыхъ значительныхъ чертъ къ нему не прибавилъ. Данилевскій, ученый естествовѣдъ, занялся частнымъ вопросомъ и создалъ для славянофильскаго ученія особое построеніе ученіемъ о многоосновномъ культурно-историческомъ типѣ греко-славянскаго міра. Онъ пытался даже вывести естественно природные законы, опредѣляющіе степени различныхъ народныхъ типовъ: 1) одноосновныхъ, 2) двухосновныхъ и 3) многоосновныхъ.

Значеніе душевѣдныхъ изысканій Достоевскаго.

Только Достоевскому удалось углубиться въ самое сердце славянофильскихъ стремленій, и сдѣлать шагъ впередъ послѣ Хомяковскаго обоснованія и онъ, вслѣдствіе особой чуткости къ душевнымъ явленіямъ,—проникъ въ глубину душевѣдѣнія русскаго народа, чѣмъ мало занималось старое поколѣніе славянофиловъ. Его изысканія обнаружили источникъ тѣхъ началъ, на которыхъ Хомяковъ и его друзья строили зданіе славянофильскаго ученія. Русская душа изучена имъ настолько основательно и проникновенно, что Достоевскій могъ смѣло утверждать о полномъ соотвѣтствіи жизнепониманія славянофиловъ съ душевнымъ строемъ русскаго народа. Достоевскій дѣйствительно является ближайшимъ продолжателемъ и истолкователемъ съ точки зрѣнія славянскаго душевѣдѣнія, основъ Хомяковскаго ученія, но глубже обоснованныхъ и внутренне освѣщенныхъ. Онъ готовитъ появленіе новаго слова русскаго просвѣщенія. Хомяковъ даетъ историческіе выводы, Достоевскій психологическіе, и выводы эти подтверждаются съ двухъ сторонъ. Только зная русскую душу, можно повѣрить возможности тѣхъ великихъ ожиданій, которыми были полны любящія Россію сердца первыхъ самобытчиковъ. Главною связью между Хомяковымъ и Достоевскимъ служитъ одинаковое пониманіе значенія вселенской православной церкви. Школа, созданная Хомяковымъ и отчасти обоснованная Данилевскимъ, дала Достоевскому готовыя положенія.

Что же внесъ онъ въ это воплотѣ опредѣлившееся ученіе?— Ни самъ Хомяковъ съ его удивительно широкимъ ученіемъ о вселенской соборной церкви, ни Самаринъ съ его разоблаченіями іезуитизма, ни Кирѣевскій съ его новыми положеніями о познавательныхъ силахъ человѣческаго духа, ни Данилевскій съ его культурными типами не проникли такъ глубоко, какъ Достоевскій, въ народную душевную стихію и не обнаружили въ ней соборныхъ и общинныхъ началъ. Всестороннимъ изученіемъ свойствъ русской души не исчерпывается, однако, заслуга Достоевскаго, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ остался бы лишь великимъ душевѣдомъ и бытописателемъ, но не сдѣлался-бы двигателемъ русскаго просвѣщенія и истиннымъ выразителемъ православнаго духа.

Достоевскій и римско-католичество.

Достоевскій не художникъ только, а мыслитель и мудрый истолкователь какъ душевныхъ недуговъ русскаго востока, такъ и

изобразитель духовнаго превосходства его надъ душевнымъ строемъ запада, гдѣ онъ усмотрѣлъ въ нѣдрахъ самого западнаго христіанства смертельныя язвы.

Эту задачу свою Достоевскій выполнилъ блистательно, хотя очень и очень многое изъ намѣченнаго имъ въ этой области не успѣлъ осуществить по причинѣ преждевременной смерти. Въ своей статьѣ „о Великомъ инквизиторѣ“, съ гениальной проницательностью выяснилъ Достоевскій нравственный смрадъ римско-католической лжи, лжи не ватиканской только церкви, но всего склада римско-католической мысли, ея цивилизаціи, ея общественной и частной жизни. Немного иначе смотрѣлъ онъ на протестантскій и сектантскій западъ. Въ этой части христіанства нашелъ онъ одно отрицаніе, одну пустоту, а потому, оставивъ пустое сектантство безъ большого вниманія, напалъ всею силою душевѣда преимущественно на римско-католическую цивилизацію и обрушился на нее дѣйствительно безпощадно.

Вотъ нѣкоторыя отдѣльныя мысли изъ „Дневника Писателя“ и словъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ „Идіота“, въ подтвержденіе сказаннаго.

„Католичество—все равно, что вѣра нехристіанская“. „Католичество римское уже хуже самаго атеизма. Атеизмъ только проповѣдуетъ нуль, католицизмъ идетъ дальше: онъ искаженнаго Христа проповѣдуетъ, имъ-же оболганнаго и поруганнаго,—Христа противоположнаго! онъ антихриста проповѣдуетъ. Римскій католицизмъ вѣруетъ, что безъ всемірной государственной власти церковь не устоитъ на землѣ, и кричитъ: Non possumus! По моему римскій католицизмъ даже не вѣра, а рѣшительное продолженіе западной римской имперіи, и въ немъ все подчинено этой мысли, начиная съ вѣры. Папа захватилъ землю, земной престолъ и взялъ мечъ: съ тѣхъ поръ все такъ идетъ, только къ мечу прибавили ложь, пронырство, обманъ, фанатизмъ, суевѣріе, злодѣйство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все промѣняли за деньги, за низкую земную власть. И это не ученіе антихристово?! Какъ-же было не выйти отъ нихъ атеизму. Вѣдь и социализмъ порожденіе католичества и католической сущности. Онъ тоже, какъ и братъ его атеизмъ, вышелъ изъ отчаянія въ противоположность католичеству въ смыслѣ нравственномъ, чтобы замѣнить собою потерянную нравственную власть религіи, чтобы утолить жажду духовную возжаждавшаго человѣчества и спасти его не Христомъ,

а тоже насиліемъ. Это тоже свобода черезъ насиліе, это тоже объединеніе черезъ мечъ и кровь!"

„Если папство когда-нибудь будетъ поквнуто и отброшено правительствами міра сего, то весьма и весьма можетъ случиться, что оно бросится въ объятія социализма и соединится съ нимъ воедино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нищимъ пѣшь и босъ и скажетъ, что все, чему они учатъ и чего хотятъ, давно уже есть въ Евангеліи, что папа отдаетъ имъ Христа. Римскому католицизму нуженъ не Христосъ, а всемірное владычество“. (Дневникъ Писателя).

„Надо, чтобы возсіялъ въ отпоръ западу нашъ Христосъ, котораго мы сохранили и котораго они не знали! Не рабски попадаясь на крючекъ іезуитамъ, а нашу русскую цивилизацію имъ неся, мы должны теперь стать передъ ними... Покажите ему въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе, можетъ быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ, и увидите, какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій выростетъ предъ изумленнымъ міромъ, изумленнымъ и испуганнымъ, потому что они ждуть отъ насъ одного меча, меча и насилія. потому что они представить себѣ насъ не могутъ, судя по себѣ, безъ варварства. И это до сихъ поръ, и это чѣмъ дальше, тѣмъ больше!“ („Идіотъ“ ч. VI—7).

Вл. Соловьевъ о Достоевскомъ.

Подобныхъ выписокъ изъ сочиненій Достоевскаго можно сдѣлать не мало, и всѣ онѣ доказываютъ ясно его отрицательные взгляды на ватиканство. Положительные же взгляды Достоевскаго указаны Вл. Соловьевымъ и собраны въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ славянофильскаго направленія.

Центральная идея, которой служилъ Достоевскій во всей своей дѣятельности, была, по мнѣнію Вл. Соловьева, „христіанская идея свободнаго все человѣческаго единенія, всемірнаго братства во имя Христова. Вселенская правда воплощена въ церкви. Истина можетъ быть только вселенскою. Творятъ жизнь люди вѣры. Человѣкъ, только связавъ себя съ Богомъ во Христѣ и съ міромъ въ церкви, можетъ дѣлать настоящее дѣло Божіе, то, что Достоевскій называлъ православленнымъ дѣломъ. Россія—избранный народъ Божій. Новое слово Россіи—есть примиреніе Востока съ Западомъ въ союзѣ вѣчной Истины Божіей и свободы человѣческой“.

Хотя между Достоевскимъ и Соловьевымъ можно провести не-